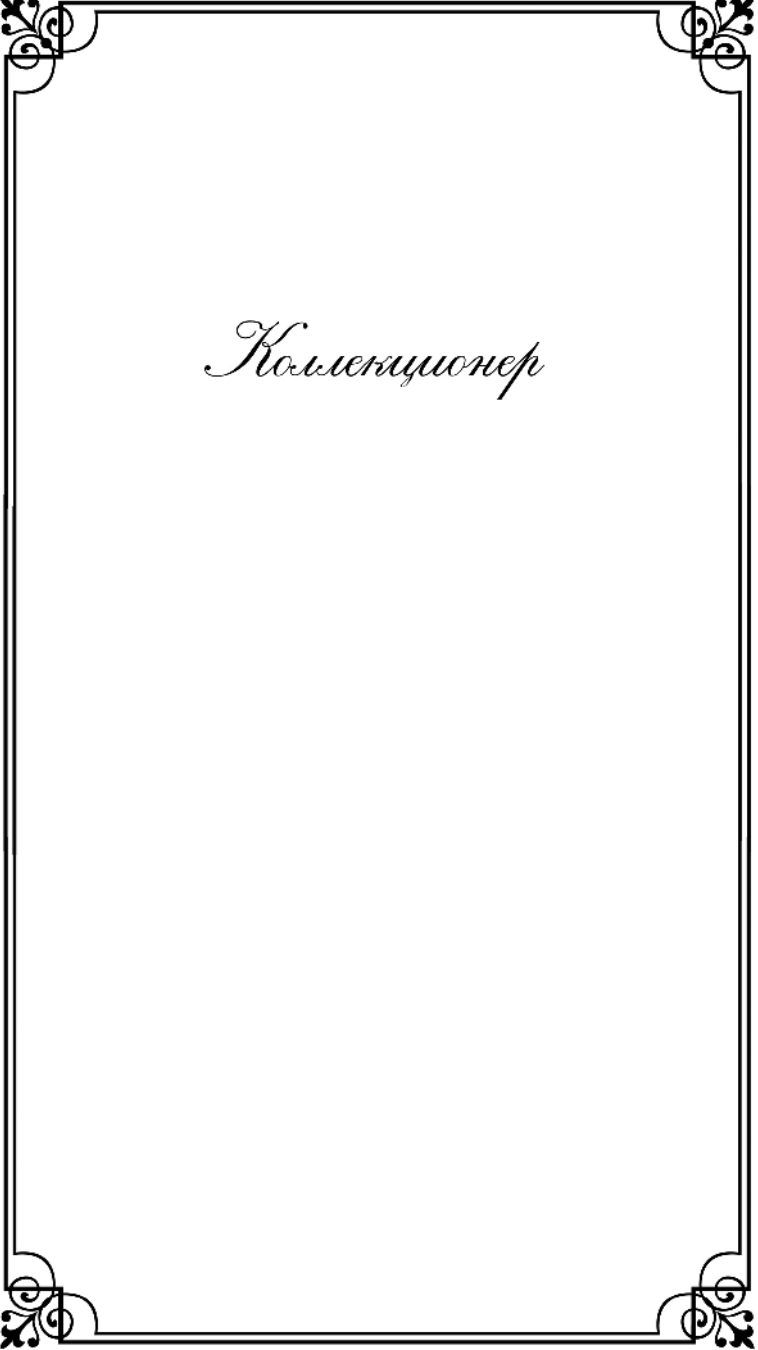
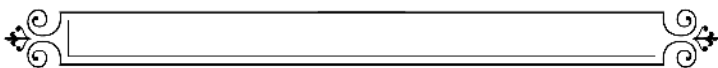

Коллекционер

Que fors aus ne le sot riens nee —
Никто не знал об этом, кроме них.

*Мария Французская.
«Шато Вержи»*

ГЛАВА 1

Когда она приезжала из частной школы домой на каникулы, я мог видеть ее чуть не каждый день: дом их стоял через дорогу, прямо против того крыла Ратуши, где я работал. Она то и дело мчалась куда-то, одна или вместе с сестренкой, а то и с какими-нибудь молодыми людьми. Вот это мне было вовсе не по вкусу. Иногда выдавалась минутка, я отрывался от своих grossбухов и папок, подходил к окну и смотрел туда, на их дом, поверх матовых стекол, ну, бывало, и увижу ее. А вечером занесу это в дневник наблюдений. Сначала обозначал ее индексом «Х», а после, когда узнал, как ее звать, — «М». Несколько раз встречал на улице, а как-то стоял прямо за ней в очереди в библиотеке на Кроссфилд-стрит. Она и не обернулась ни разу, а я долго смотрел на ее затылок, на волосы, заплетенные в длинную косу, очень светлые, шелковистые, словно кокон тутового шелкопряда. И собраны в одну косу, длинную, до пояса. То она ее на грудь перекидывала, то снова на спину. А то вокруг головы укладывала. И пока она не стала гостьей здесь, в моем доме, мне только раз посчастливилось увидеть эти волосы свободно рассыпавшимися по плечам. У меня прямо горло перехватило, так это было красиво. Ну точно русалка.

А в другой раз, в субботу, я поехал в Музей естественной истории, в Лондон, и мы возвращались в одном вагоне. Она сидела на третьей от меня скамейке, ко мне боком, и читала, а я целых полчаса на нее смотрел. Смотреть на нее было для меня ну все равно как за бабочкой охотиться, как редкий экземпляр ловить. Крадешься остороженько, душа в пятки ушла, как говорится... Будто перламутровку ловишь. Я хочу сказать, я о ней думал всегда такими словами, как «неуловимая», «ускользающая», «редкостная»... В ней была какая-то утонченность, не то что в других, даже очень хороших. Она была — для знатока. Для тех, кто понимает.

В тот год, когда она еще в школу уезжала, я не знал, кто она и что. Только фамилию отца — доктор Грей, да еще как-то слышал, говорили на встрече секции жесткокрылых, что вроде мать у нее попивает. И правда, раз встретил ее мамашу в магазине, слышал, как она с продавцом разговаривает — голосок жеманный, фу-ты ну-ты, тон барский и, видно сразу, из тех, кто не дурак выпить: штукатурка с лица чуть не валится, и всякое такое.

Ну а потом в нашей городской газете напечатали, что она получила стипендию в Лондонском художественном училище и какая она умная и способная. И я узнал ее имя, красивое, как она сама, — Миранда. И узнал, что изучает искусство. После этой статьи все сразу пошло по-другому. Вроде мы как-то сблизились, хотя, конечно, не знали друг друга в том смысле, как это обычно бывает.

Не могу объяснить, отчего да почему... только как я ее впервые увидел, сразу понял: она — единственная. Конечно, я не окончательно свихнулся, понимал, что это всего лишь мечта, сновидение, и так оно и осталось бы, если бы не эти деньги. Я прямо грезил средь бела дня, придумывал всякие истории, вроде я

ее встречаю, совершаю подвиги, она восхищается, мы женимся, и всякое такое. Ничего дурного и в голове не держал. Потом только. Но это я еще объясню.

В грезах этих она рисовала картины, а я занимался своей коллекцией. Представлял себе, как она меня любит, как ей коллекция моя нравится, как она рисует и раскрашивает свои картины. Как мы с ней вместе работаем в красивом современном доме, в большущей комнате с таким огромным окном из цельного стекла, и вроде собрания секции жесткокрылых в этой комнате проходят. И я не молчу, как обычно, чтоб ненароком не сморозить чего, и мы с ней — хозяин и хозяйка, и все к нам с уважением. И она такая красивая — светлые волосы, серые глаза, — что от зависти все мужики зеленеют прямо на глазах.

Ну конечно, эти все приятные мечты таяли, когда я видел ее с одним парнем, самоуверенным, наглым, из тех, кто позаканчивал частные школы и теперь раскатывает в спортивных автомобилях. Я раз на тотализаторе встретил его, он стоял у соседнего окошечка. Я вносил, а он получал. И говорит: дайте-ка мне полусотенными. А вся шутка в том и заключалась, что выигрыш у него был всего-то десять фунтов. Все они так. Ну, я видел иногда, как она в его машину садится, встречал их вместе или видел, как они в этой машине по городу катаются. Ну, тогда я очень бывал резок со всеми на работе и не вписывал «Х» в дневник энтомологических наблюдений. (Это все до того, как она в Лондон уехала. Тогда уж она его бросила.) В такие дни я позволял себе дурные мысли. Тут уж она рыдала и валялась у меня в ногах. Один раз даже я представил себе, как бью ее по щекам: как-то видел в одной пьесе по телику, парень дал пощечину своей подружке. Может, тогда-то все и началось.

Мой отец погиб в автокатастрофе. Мне было два года. Случилось это в 1937-м. Он был пьян вдребезину. Но тетушка Энни утверждала, что запил он из-за матери. Я так и не узнал, что там было на самом деле, только вскоре после смерти отца мать уехала, оставила меня тетке, ей-то самой лишь бы жить полегче да повеселей. Мейбл, моя двоюродная сестрица, как-то раз сообщила мне в пылу ссоры (мы совсем еще были детишками), что мать моя — уличная и сбежала с иностранцем. У меня хватило глупости прямо отправиться к тетушке и задать ей этот вопрос. Ну конечно, если уж она когда хотела от меня что утаить, это ей прекрасно удавалось. Теперь-то мне безразлично, и если даже мать жива, у меня видеть ее нет охоты. Даже из любопытства. А тетушка Энни всегда повторяет, мол, еще легко отделались. Думаю, она права.

Ну вот, значит, я рос у тетушки Энни и дядюшки Дика, вместе с их дочкой Мейбл. Тетушка — старшая сестра моего отца.

Дядя Дик умер, когда мне было пятнадцать лет, в 1950-м. Мы отправились на водохранилище рыбу ловить и, как всегда, разделились: я взял сачок и еще что там было нужно и ушел. А когда проголодался, вернулся к тому месту, где его оставил, там уже собралась целая толпа. Я подумал: ого, дядюшка, похоже, какую-то громадину на крючок подцепил. А оказалось — с ним случился удар. Его отвезли домой, только он уже не мог говорить и никого больше не узнавал.

Те дни, что мы провели с ним вместе — не так уж все время вместе, я ведь уходил бабочек ловить, а он сидел со своими удочками на берегу, но только ели мы всегда вместе и поездки к водохранилищу и домой тоже, — вот те дни с ним, пожалуй, самые счастливые в моей жизни (кроме, конечно, тех, о которых я потом расскажу). Тетушка и Мейбл насмехались надо мной из-за бабочек, во всяком случае, когда я был маль-

чишкой. А дядюшка — он всегда за меня стоял. И всегда восхищался, как я их умею накалывать, говорил, прекрасная аранжировка и всякое такое. И еще со мной радовался, когда удавалось вывести новый экземпляр имаго. Всегда сидел и смотрел, как из кокона выбирается бабочка, расправляет и сушит крылышки, как осторожно их пробует. Для банок с гусеницами он мне выделил местечко в своей кладовке, а когда на конкурсе «Мир твоих увлечений» я получил приз за коллекцию фритилларий, он мне подарил деньги, целую кучу — фунт стерлингов, только не велел тетке говорить. Да что там, он мне был как отец. Когда мне мои деньги вручали, чек этот, я его в пальцах зажал, а сам первым делом о дядюшке подумал, после Миранды, конечно. Я бы ему самые лучшие удочки купил... и снасть всякую... и все, чего бы он только ни захотел. Ну, это уж было невозможно.

На скачках я стал играть, как только мне стукнуло двадцать один. Каждую неделю ставил пять шиллингов.

Старина Том и Крачли из нашего отдела и еще несколько девчонок скидывались и играли по крупной и вечно приставали, чтоб я к ним присоединился. Только я всегда отказывался, мол, я сам по себе, волк-одиночка. Да мне ни Том, ни Крачли никогда не были особенно по душе. Старина Том какой-то противный, скользкий, вечно распространяется про наш Городской совет, а сам лижет главного бухгалтера во все места. А Крачли — грязный тип, садист, никогда не упустит случая высмеять меня за бабочек, особенно при девчонках: «Что-то Фред усталым выглядит после воскресенья, видно, провел бурную ночь с какой-нибудь бабочкой...» Или: «Что это за нимфа была с тобой вчера? Может — нимфа Лида из Виргинии?» И старина Том ухмыльнется, а Джейн, подруга Крач-

ли (она из отдела канализации, но вечно торчит у нас, в налоговом), хихикнет. Вот уж кто на Миранду не похож. Ну небо и земля. Терпеть не могу вульгарных женщин, особенно молоденьких. Так что, повторяю, играл я всегда один.

Чек был на 73 091 фунт и еще сколько-то шиллингов и пенсов. Я позвонил мистеру Уильямсу, как только эти люди с тотализатора подтвердили, что все в порядке. Ну и обозлился же он, что я так вот сразу увольняюсь, хоть и сказал, что очень даже за меня рад и что — он, мол, уверен — все за меня рады. Я-то знал, что это все вранье. Он даже предложил мне вложить эти деньги в пятипроцентные облигации Городского совета. О господи. У нас в Ратуше некоторые совсем утратили чувство меры.

А мне, когда чек вручали, посоветовали уехать в Лондон вместе с тетушкой и Мейбл, пока вся эта шумиха не утихнет. Ну, я так и сделал. Старине Тому я отправил чек на 500 фунтов и написал, чтоб он поделился с Крачли и всеми другими. На их письма с благодарностями я и отвечать не стал, ясно было, они сочли, что я скупердй.

Ну, ложка дегтя в эту бочку меда все же попала. Из-за Миранды. Когда я выиграл все эти деньги, она как раз приехала домой на каникулы. Я ее увидел в субботу утром, в тот самый мой счастливый день. И уехал. И все время в Лондоне, пока мы только и знали, что тратили мои денежки, я боялся, что больше никогда ее не увижу. Думал, вот ведь теперь, разбогатев, я вполне гожусь ей в мужья; потом думал, это же смех — надеяться, теперь выходят замуж по любви, особенно такие, как Миранда. Были минуты, я верил, что забуду о ней. Но забыть — это ведь от тебя не зависит, это выходит само собой. Только у меня не вышло.

Если ты человек корыстный и беспринципный, а у нас теперь таких пруд пруди, я думаю, на свои-то кровные, если ты уж их заполучил, здорово можно время провести. Но по чести могу сказать, я не из таких, меня даже в школе никогда не наказывали. Тетушка Энни — она из секты нонконформистов — никогда меня силком в церковь не тащила, ничего такого не заставляла делать, но атмосфера в доме, где я воспитывался, была соответствующая, хотя дядюшка Дик иногда малость перебирал в пивнушке. А тетка даже курить мне разрешила, когда я из армии пришел, правда, со скандалами, я их чуть не каждый день ей закатывал. Что там говорить, я со своим курением у нее в печенках сидел. И подумать только, она ведь знала, сколько я получил, а все равно не переставала твердить, мол, не в ее правилах швыряться деньгами. Ох и влетело же ей за это от Мейбл: сестрица полагала, что я не слышу; ну да все равно, я сказал, деньги мои, совесть тоже моя и вся ответственность на мне, пусть только скажет, чего ей хочется, а не хочет — так на нет и суда нет, а в уставе нонконформистов ничего не сказано про подарки.

К чему я все это рассказываю, дело в том, что, когда я в армии служил, в финчасти корпуса, мы в Западной Германии стояли, я пару раз напился, но с женщинами дела никакого не имел. Да и не больно-то о них думал до Миранды. Я ведь знаю: нет во мне того, что нужно девчонкам; парни вроде Крачли мне кажутся грубыми до невозможности, а девчонки к таким липнут как мухи. Посмотреть на некоторых у нас в Ратуше, как они этому Крачли глазки строят, так и рвотных таблеток глотать не надо. А во мне этого грубого, скотского, что их так влечет, нет. И не было от рождения. (И прекрасно, если бы на свете побольше было таких, как я, уверен, мир стал бы лучше.)

Если денег нет, всегда кажется, что с деньгами все

пойдет совсем по-другому. Я никогда не требовал ничего лишнего, только то, что мне причиталось, но в гостинице сразу же ясно стало, что вся их почтительность — вид один, на самом-то деле все они нас презирают, денег у нас куча, а что с ними делать, толком не знаем. Мол, из грязи — да в князи. И за спиной они так обо мне и судили, мол, мелкая сошка — она мелкая сошка и есть, как ни швыряйся деньгами. Стоило нам сказать или сделать что-нибудь, как все вылезало наружу. Сразу видно было, что у них на уме: нас не проведешь, мы тебя насквозь видим, отправляйся-ка подобру-поздорову откуда пришел.

Помню, как-то вечером мы отправились в шикарный ресторан поужинать. Ресторан значился в том списке, что мне дали эти люди с тотализатора. Готовили там отлично, и мы все съели, только я вкуса почти и не чувствовал, так на нас там смотрели — и посетители, и противные скользкие официанты-иностранцы; и мне казалось, что сам зал, все предметы в нем смотрят на нас сверху вниз, потому что мы не так воспитаны и выросли не там, где надо. Тут как-то мне попалась статья о школьном обучении, о разных там классах. Меня бы спросили, я бы им порассказал. На мой взгляд, весь Лондон рассчитан только на тех, кто окончил частную школу или умеет делать вид, что там учился, а если у тебя ни пижонских манер, ни барского тона нет, то и рассчитывать не на что. Я, конечно, про богатый Лондон говорю, про Уэст-Энд.

Как-то вечером — это было как раз после того ресторана — я сказал тетушке Энни, что хочу прогуляться. И ушел. Ходил, ходил и вдруг подумал, что мне, пожалуй, нужна женщина, ну чтобы знать, что у меня была женщина. Ну и набрал номер телефона, мне его

один парень дал на церемонии, когда чек вручали. Если захочется сам знаешь чего, сказал.

Женский голос ответил: «Я занята». Я спросил, может, она знает еще чей телефон, и она дала мне целых два. Ну, взял такси, поехал по второму адресу. Не буду рассказывать, как все было, только у меня ничего не вышло. Слишком нервничал. Дело в том, что я повел себя так, что вроде все про все знаю, все умею, а она поняла: она старая была, старая, страшная... ужасно. И вела себя ужасно, и выглядела не лучше. Потасканная, вульгарная. Ну, вроде как экземпляр для коллекции совсем негодный, на который и глядеть не станешь, не то что накалывать. Я еще подумал: вдруг бы Миранда застала меня в этом виде? Ну, я уже сказал, я было попробовал, но не вышло, да я и не очень-то старался.

Я не из быстрых молодых людей, никогда локтями никого не расталкивал, у меня, как говорится, более высокие устремления. Крачли часто говорил, в наше время, если локтями не поработаешь, ничего не добьешься, и еще он говорил, взгляни на старину Тома, многого он добился лизаньем вышестоящих задов? Крачли, на мой взгляд, слишком много себе позволял, я уж говорил и могу еще повторить: слишком со мной фамильярничал. Но и он знал, когда и кого надо облизать, лишь бы ему от этого что-нибудь обломилось. Подлизывался к мистеру Уильямсу, например. «Ну-ка, побольше жизни, поактивнее, Клегг, — как-то сказал мне мистер Уильямс, когда я еще работал в отделе справок. — Люди любят, когда наши служащие улыбаются: неплохо и пошутить время от времени; не всякий рождается с этим даром, как Крачли, но почему не попробовать, может, и у нас получится, верно?» Ну уж это меня просто возмутило. Должен сказать, Ратуша эта мне до смерти надоела, я все равно собирался отсюда увольняться.